

Э. П. Степанова
Финляндия

Мифологические элементы в карельских плачах

Мифологический элемент «сюнтю» (*synty, syndy, synti*) и его деминутивная форма множественного числа «сюндюзет» (*syndyzet, syntyiset*) встречается в нескольких жанрах карельского фольклора, в частности, в карельских причитаниях, ейгах и отчасти в поэзии калевальской метрики. «Сюндюзет» и «сюнтю» как в ритуальной, так и в бытовой народной поэзии имеет несколько семантических полей, относящихся к сверхъестественному и потустороннему. При подготовке настоящей статьи были проанализированы 233 причитания, представляющие три региональные традиции причитывания в Республике Карелия: северно-, средне- и южнокарельскую — и опубликованные в сборнике карельских причитаний [Карельские причитания 1976]. За пределами исследования на данном этапе остались плачи тверских карелов и плачи, собранные в пограничной Карелии на бывших финских территориях. В качестве вторичных материалов для анализа были использованы опубликованные севернокарельские ейги [Карельские ейги 1993] и поэзия калевальской метрики, в основном заговоры¹.

Мифологическое мышление — это система образов, мифов, верований и легенд. Исходя из традиционной характеристики мифологического мышления, в сферу его действия мы можем отнести веру, суеверия, национальный фольклор, моральные ценности и нормы данного этноса, т. е. так или иначе существующие и оформленные представления народа о самом себе, своем происхождении, организации, своей судьбе. Таким образом, мифологическое мышление — это один из видов мышления, отличающийся направленностью на объяснение явлений мира. Анализ обрядов, обычаев, разных сторон народного творчества дает ключ к пониманию того, каким видели мир люди той или иной эпохи².

¹ Поиск элемента «сюнтю» (в различных вариациях) производился с помощью электронной базы поэзии калевальской метрики Suomen Kansan Vanhat Runot (SKVR), созданной Финским литературным обществом <http://dbgw.finlit.fi/skvr/>

² Об истории и традициях исследования мифологического мышления см. Мишучков 1997.

Карельские причитания являются жанром, в котором отражены практически все аспекты мифологического мышления: причитания — это важный элемент обрядов и обычаев, они отражают верования данного народа, представления о жизни и смерти, и земном и божественном, в них мы видим отражение определенной картины мира и т. д. Айли Ненола, исследовавшая ингерманландские причитания, также отмечает: «Как фольклорный жанр, причитания являются частью песенной традиции и зачастую представляют архаичный пласт традиционной музыки и поэзии. Похоронные причитания были, кроме того, частью религиозной традиции, отражая общие концепции о смерти, а также отношения между живыми и мертвыми» [Nenola 2002: 73].

Как пишет Павел Лимеров в «Мифологии загробного мира» [Лимеров 1998: 3–4], согласно мифологическому мышлению, мир представляет собой двуединую систему, которая состоит из видимого мира людей и невидимого мира богов, демонов, предков-прародителей. Потусторонний мир определенным образом соединяется или входит в видимый мир людей, так как, согласно мифологическому мышлению, силы невидимого мира всегда присутствуют на параллельном уровне и готовы к контакту с людьми [там же]. Через причитание происходит коммуникация с загробным миром и его обитателями, т. е. в причитаниях мы видим те мифологические образы, которые, согласно Анне-Леене Сиикала, содержат скрытое знание, используемое в основном в ритуалах [Siikala 2002: 49].

В карельских причитаниях одно и то же понятие «сюндюзет» имеет несколько значений или семантических полей: 1) загробный мир — место, куда отправляют покойников; 2) обитатели загробного мира, как конкретные ранее умершие родственники, так и в целом предки-прародители; 3) некие божественные силы, боги-покровители. Все эти значения перекликаются между собой: предки-прародители определенно представляют и божественные силы, а загробный мир метонимично представляется через предков-прародителей.

Параллельно с «сюндюзет» в плачах присутствуют и возникшие под христианским влиянием «спуассузет» (*spuassuset*, *spoassuzet*, *spraasazet*)³ — понятие, в основном, имеющее те же значения, что и «сюндюзет». Интересно, что значения двух понятий «сюндюзет» и

³ От русск. Спас, Спаситель в деминутивной форме множественного числа в соответствии с правилами специфического языка карельских причитаний.

«спуассузет» разнятся в зависимости от региональной традиции причитывания; в каждой из них мы видим свои особенности дифференциации значений загробного мира, предков-прародителей и божественных сил.

В севернокарельской причетной традиции доминирует понятие «сюндюзет» в значении потустороннего мира, а в качестве синонима используется мифологический топоним Туонела (Tuonela, Tuonala), часто встречаемый и в поэзии калевальской метрики. Специфической особенностью севернокарельских плачей является присутствие понятия «сюнто» (в единственном числе без деминутива) для обозначения богов или божественных сил. В данном случае можно провести параллель со святочным мифологическим персонажем «Сюндю» в традиции южных карелов [Конкка 2007: 339–378]. «Спуассузет» на севере Карелии используется лишь в значении боги, божественные силы.

В южнокарельских плачах мифоэлемент «сюндюзет» встречается наиболее часто по сравнению с остальными локальными традициями причитывания и включает в себя все три семантических поля: 1) загробный мир; 2) обитатели загробного мира; 3) некие божественные силы, боги-покровители. «Спуассузет» появляются в плачах только в значении богов и божественных сил.

В средней Карелии «спуассузет» в значении как божественных сил, так и загробного мира, доминируют над «сюндюзет», которые обозначают здесь только загробный мир. В основном же в плачах среднекарельской традиции «сюндюзет» и «спуассузет» в значении загробный, потусторонний мир используются как синонимы.

Оба понятия, как «сюндюзет», так и «спуассузет», входят в общий регистр причитаний. Язык, или регистр⁴ карельских причитаний резко отличается от обычной разговорной речи иносказательностью — обилием метафорических замен, которые подменяют многие табуированные понятия, например, термины родства, названия предметов, явлений и т. д.⁵ Необходимость такого специфического языка в причитаниях объясняется особенностями мифологического мышления карелов, согласно которому обитатели загробного мира не понимают обычного, разговорного языка, а только язык причитаний.

⁴ Понятие «регистр» используется здесь согласно теории Immanent Art, разработанной на основе формульной теории Лорда-Перри американским ученым J. M. Foley. «Регистр — слова, формы, свойства, присущие особенному языку определенного жанра устной народной поэзии». См., например, [Foley 1995, 2002; Harvilahti 2003].

⁵ О языке причитаний см. подробнее [Степанова 1985, 2003, 2004].

Тот же особый язык обнаруживается и в севернокарельской ейге, в уже почти исчезнувшем жанре народной импровизационной поэзии. В свадебных, рекрутских и бытовых ейгах также использовался мифологический элемент «сюнтю», в основном в значении божественных сил и загробного мира. И в ейгах, и в причитаниях того же региона, а также в южнокарельских плачах «сюнтю» и «сюндюзет» присутствуют в метафорических заменах, обозначающих иконы.

Olkuol'koa pois, oimun omattomat vierahat ottamat, esistä oččiseinillä olijien orheijen syntujen. (Отойдите, неродные чужие рожденные, от славных прародителей, стоящих в переднем углу.) [Карельские причитания 1976: 46–47.]

Таким образом, мы видим, как в языке причитаний через языческое понятие, т. е. потусторонние божественные силы, обозначается атрибут православной религии – икона.

Само слово «сюнтю» означает рождение, происхождение, начало. Наиболее полно и подробно, с обильными примерами и историографией о «сюндю» написал А. П. Конкка в статье «Материалы по календарной мифологии и календарной обрядности сямозерских карел» [Конкка 2007: 339–378], где автор рассмотрел мифологические представления карелов о святочных духах, в частности, о Великом Сюндю. В нашей статье приведем только некоторые примеры использования «сюндю» в поэзии калевальской метрики.

Заговоры о происхождении железа, огня, болезней или существ так и назывались «tulen synty» (рождение огня), «gaudan synty» (рождение железа) и т. п. В подобных заговорах раскрывается мифологическое происхождение, начало, т. е. «прародители» того или иного явления или существа. Как пишет Анна-Леена Сиикала, такая потребность понимания происхождения того или иного явления соответствует шаманизму народов северной Евразии, когда шаман для того, чтобы, например, исцелить болезнь, должен был совершить путешествие именно в потусторонний, загробный мир и узнать происхождение, прародителей этой болезни [Siikala 1994: 79–80].

В севернокарельской традиции народ называл сами заговоры «pyhän synnyn säätämiä», т. е. «святым сюнтю предписанными, установленными». В заговоре, записанном Элиасом Леннротом в 1833 г. в Вокнаволоке, встречаем строки: «Ne niillä sulettanee / Luojan luomilla sanoilla, / Pyhän synnyn säätämillä» [SKVR I4 190]. Интересно, что в финском заговоре на мытье ребенка, записанном в 1854 г. Петтерссоном в провинции Средняя Эстерботния (Keski-Pohjanmaa), встреча-

ются те же строки «святым сунтю предписанными, установленными», но речь в них идет не о «словах», не о заговоре, а о воде, которой необходимо вымыть ребенка: «Luoman luomilla vesillä, / Pyhän synnyn säätämillä!» [SKVR XII2 7623].

«Сунтю» встречается и в рунах о Лемминкяйнене, в той их части, где описывается пир в Пяйвеле: «Tuonn on Päivölän pitoi / Jumalisten juominkii, / Suuren synnin syöminkii, / Parahiksi on laulajiksi, / Parahiks on tietäjiksi» [SKVR VIII 822 64–68]. Пир в Пяйвеле зовется «suuren synnyn syöminki, jumalisten juomingi» (пиршество великого сунтю, попойка богов), т. е. здесь «великий сунтю» приравнивается в следующей параллельной строке к собранию богов [ср. Harva 1945: 225].

Так же как знахарь с помощью заговоров заклинает определенную болезнь, ссылаясь на знание потусторонних сил и прародителей болезни, в похоронных причитаниях плакальщица обращается к предкам, направляя покойного в загробный мир, чтобы его приняли там, как положено, чтобы в будущем он смог помогать своим оставшимся в живых родственникам. В свадебных причитаниях плачущая испрашивает у предков-прародителей счастливой доли для невесты при переходе ее в новый род, род мужа. В причитаниях, таким образом, посредством плакальщицы происходит конкретное общение с потусторонним миром и его обитателями.

Некоторые мастера народного слова, настоящие талантливые певцы, владевшие различными жанрами фольклора, создавали на основе традиционного воззрения свое собственное понимание мироустройства. У таких карельских народных певцов, как Архиппа Перттунен, Анни Лехтонен, Прасковья Савельева и других, мы можем увидеть явные признаки индивидуальных особенностей мифологического мышления. Например, плакальщица Прасковья Савельева, в отличие от остальных плакальщиц своей локальной среднекарельской традиции, четко разделяла «сундюзет» и «спуассузет». В ее плачах «сундюзет» имеют значение загробного мира и предков-прародителей, а «спуассузет» — только божественных сил⁶. Наряду с понятиями загробного мира, его обитателей и божеств в причитаниях Савельевой и других плакальщиц обязательно присутствует и понятие видимого мира, населяемого людьми «муаилма» (muailma). В плачах мы видим четкое разграничение мира видимого и невидимого путем выраженных прямо или косвенно оппозиций: этот мир — тот мир, живые — мертвые, говорящий — бессловесный и т. д.

⁶ Подробнее см. [Степанова 2005: 186–193].

Верования карельских плакальщиц включали в себя одновременно как мифологические, так и христианские элементы, которые в плачах, а также в других жанрах народной поэзии образуют, согласно мнению Лотте Таркка, символическую систему основополагающих ценностей культуры [Tarkka 2005: 384]. Культурные значения фольклорных текстов проявляются только в соотношении друг с другом и через призму друг друга. Одни и те же образы в разных жанрах действуют в рамках единой традиционной системы и образуют сеть символов, или интертекстуальное пространство, которое можно назвать и миром эпики [Tarkka 1990: 238], миром мифологического мышления.

Мы не можем утверждать, что мифологическое мышление – это застывший во времени первобытный пережиток. Точно так же как и все остальные виды человеческого мышления, мифологическое мышление меняется, развивается в системе актуальных для того или иного времени коллективных представлений. Обнаруженные в причитаниях, поэзии калевальской метрики и ейгах «сюнтю» и «сюндюзет» прошли долгий путь развития как элемент мифологического мышления, приобрели новые значения, которые частично заменили старые, а частично стали существовать параллельно.

Литература

Foley 1995 – Foley John Miles. *The Singer of Tales in Performance*. Bloomington: Indiana University Press, 1995.

Foley 2002 – Foley John Miles. *How to Read an Oral Poem*. University of Illinois Press. Urbana and Chicago, 2002.

Harva 1945 – Harva Uno. *Lemminkäisen matka Päivölän pitoihin // Virittäjä* 49. Helsinki, 1945.

Harvilahti 2003 – Harvilahti Lauri. *The Holy Mountain*. Studies on Upper Altay Oral Poetry. FFC282.

Nenola 2002 – Nenola Aili. *Inkerin itkuvirret*. Ingrian Laments. SKS. 2002.

Siikala 1994 – Siikala Anna-Leena. *Suomalainen šamanismi*. Mielikuvien historiaa. SKS. 1994.

Siikala 2002 – Siikala Anna-Leena. *Mythic Images and Shamanism*. A Perspective on Kalevala Poetry. Academia Scientiarum Fennica. FFC 280.

Suomen Kansan Vanhat Runot - tietokanta <http://dbgw.finlit.fi/skvr/>

Tarkka 1990 – Tarkka Lotte. *Tuonpuoleiset, tämänilmainen ja sukupuoli*. Raja vienankarjalaisessa kansanrunoudessa // *Louhen sanat*. Toim. Nenola A. & Timonen S. SKS. Helsinki, 1990. S. 238–259.

Tarkka 2005 – Tarkka Lotte. *Rajarahvaan laulu*. Tutkimus Vuokkiniemen kalevalamittaisesta runokulttuurista 1821–1921. SKS. 2005.

Карельские ейги 1993 – Издание подготовили Степанова А. С., Лавонен Н. А. Петрозаводск, 1993.

Карельские причитания 1976 – Издание подготовили Степанова А. С., Коски Т. А. Петрозаводск, 1976.

Конкка 2007 – Конкка А. П. Материалы по календарной мифологии и календарной обрядности сямозерских карел // Антропологический форум. М., 2007. № 6. С. 339–378.

Лимеров 1998 – Лимеров П. Ф. Мифология загробного мира. Сыктывкар, 1998.

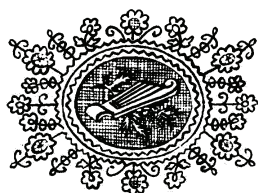
Мишучков 1997 – Мишучков А. А. Мифологическое мышление (обзор состояния проблемы) // Теоретический журнал «Credo». 1997. № 4.

Степанова 1985 – Степанова А. С. Метафорический мир карельских причитаний. Л., 1985.

Степанова 2003 – Степанова А. С. Карельские причитания. Специфика жанра. Петрозаводск, 2003.

Степанова 2004 – Степанова А. С. Толковый словарь языка карельских причитаний. Петрозаводск, 2004.

Степанова 2005 – Степанова Э. П. Скрытый мир причитаний Прасковьи Савельевой // Межкультурные взаимодействия в полиэтническом пространстве пограничного региона / Составитель О. Илюха. Петрозаводск, 2005. С. 186–193.

Т. Г. Иванова
Санкт-Петербург

**Идеологема «отечество»
и ее формульное воплощение
в русских народных плачах воинской тематики**

Предметом нашего исследования являются русские причитания воинской тематики, т. е. плачи, звучавшие при проводах мужчин в армию, на войну, а также голошения, вызванные военными бедствиями. Мы обратились к материалам трех разных периодов русской истории: записи Е. В. Барсова, сделанные в 1868 г. в Олонекской губ.; тексты, собранные во время Первой мировой войны (1914–1918) И. И. Ульяновым в Пермском крае и М. К. Азадовским на р. Лене; причитания